

ИНТЕРВЬЮ

Точка невозврата пройдена

Сергей Соловьев

На протяжении почти 10 лет журнал и группа «Скепсис» выступают одновременно в качестве одного из центров российской левой мысли и в качестве активистского объединения, выступающего против клерикализации образования, религиозно-фундаменталистского мракобесия. Участники группы защищают музеи, отстаивают ценности Просвещения, призывают общество мыслить критически. Интервью у главного редактора журнала «Скепсис» Сергея Соловьева брала Анастасия Кривошанова.

Сергей, расскажите, что представляет собой редакция журнала и сайта «Скепсис», каковы цели, с которыми создавался журнал?

Редакция «Скепсиса» сложилась на основе группы однокурсников в МПГУ и вышла из содружества этой группы с сайтом Атеизм.ру. Изначально журнал носил антиклерикальный характер, поскольку именно тогда — в конце 90-х начале 2000-х годов — началась очередная кампания по преодолению сохранившихся светскости и рационализма в российском обществе и государстве. Насаждение православия и религиозности вообще

становилось частью официальной пропаганды. Многие из участников нашей группы столкнулись с этим и в качестве студентов, и одновременно — в качестве школьных учителей. То, что тогда происходило, не вызывало ничего кроме отвращения, и именно на этой почве мы нашли общий язык с создателями сайта Атеизм.ру. Начало было несколько сумбурным, но в результате появился первый печатный номер журнала, и затем уже самостоятельно стали развиваться журнал и сайт, которые существуют до сих пор. Уже после первого номера стало понятно, что невозможно ограничиваться одной атеистической тематикой, что клерикализация является следствием тех социально-экономических процессов, которые не совсем верно называют реставрацией капитализма в России.

И «Скепсис» стал поднимать целый ряд вопросов, но, пожалуй, самой главной задачей стала попытка создать очаг сопротивления тому, что один из наших авторов — Илья Смирнов — назвал состоянием *регрессанса*. То есть сопротивление агрессивному навязыванию пассивности, невежества и иррационализма. Если правящий класс стремится отучать молодежь само-

стоятельно мыслить, то наша задача — развивать критическое, антидогматическое отношение к окружающей действительности.

В соответствии с этой целью тема атеизма и антиклерикализма органически дополнилась анализом «реформы» образования, где слово «реформа» — это эвфемизм, который просто означает приведение образовательной системы в соответствие со сложившейся экономической системой периферийного капитализма. Такое количество думающих людей для этой социально-экономической системы, как мы хорошо видим на примере стран «третьего мира», просто не нужно. Затем, это проблема национализма и его использования в рамках официальной идеологии в соответствии с давнишней стратегией «разделяй и властвуй». Кстати, проблема национализма непосредственно связана с уже упомянутой «реформой» образования. Только что, в декабре 2010 г., наблюдая подростков-националистов на улицах Москвы, мы видели прямое следствие образовательной «реформы». Разумеется, если в течение двух десятилетий целенаправленно разрушать школьное образование, уделять всего 3–5 уроков истории Великой Отечественной войны, поощрять издание огромными тиражами массы коричневого, откровенно фашистского чтива, вводить в школьный курс религиозные дисциплины, пронизанные ксенофобией, — то такой результат был неминуем. Конечно, это не единственная причина роста национализма, но одна из важнейших. Масса подростков просто лишена возможности критически проанализировать пропагандируемые националистические лозунги, а также их последствия.

Таким образом, «Скепсис» поставил себе задачу разоблачать

навязываемые мифы. Например, в области переписывания истории, где государство создает основы для идеологического конструирования. В сфере анализа современных социально-экономических процессов в постсоветской России и процессов глобализации, которые в СМИ, в учебниках, в университетских курсах описываются так, как будто речь идет о параллельной вселенной.

И хотя мы совершенно сознательно с самого начала не ограничивали себя жесткими идеологическими рамками, тем не менее критерии отбора материалов для публикаций сформулированы очень четко, собственно, это научные принципы. Мы с самого начала заявили: общественных наук вне политики не бывает. И тот факт, что журнал занимается просвещением, одновременно не может не подразумевать определенной — левой — политической позиции.

На этом этапе у нас произошел очень показательный раскол со многими нашими старыми коллегами-атеистами. Например, один из наших авторов, который публиковался в «Скепсисе» в самом начале нашей деятельности, после выхода второго номера и начала работы сайта обвинила нас в том, что мы списываем свои позиции с «совковых учебников», что быть левым — это вообще очень плохо. И произошел этот раскол по очень понятной причине: такие люди воспринимают ситуацию, связанную с религией и наукой в России, в отрыве от остальной массы социальных проблем. Религия, мол, это плохо, а то, что население нищает — это нормально, это «объективные» законы рынка, так сказать. Образование и наука разваливаются, невежество торжествует, но зато проводимая ре-

форма образования идет в правильном направлении, а коммунисты и левые вообще — это кровавые монстры, которые разрушили великую Россию. Причем человеку даже в голову не приходит: чтобы сейчас было возможно рассуждать о крахе этой системы образования и науки, как минимум надо, чтобы эту систему кто-то построил.

Все это не означает, что в «Скеписе» (на сайте или в журнале) публикуются только те тексты, которые на сто процентов совпадают с точкой зрения редакции. Надо сказать, что и в редакции точки зрения не всегда совпадают. Среди наших авторов есть те, кто по большей части с нами не согласен, но в конкретных вопросах мы единомышленники. Кроме того, некоторые из них по цензурным причинам просто не могли опубликовать свои материалы в других изданиях. Одна из функций «Скеписа» на данный момент — преодоление информационного и интеллектуального вакуума, который существует в России.

Как вы представляете себе своего читателя? На какую аудиторию вы ориентируетесь?

Прежде всего, это критически мыслящие люди, начиная от старшеклассников, студентов, ощущающие социальную несправедливость. Тексты на «Скеписе» в основном посвящены общественным дисциплинам, но это отнюдь не значит, что мы ориентированы только на гуманитариев. Аудитория достаточно широкая и недостаточно определенная, но, с нашей точки зрения, сейчас невозможно выбрать узкую целевую группу, страту, класс в качестве аудитории и объекта целенаправленной пропаганды.

И здесь мы сталкиваемся с важнейшей проблемой. Сейчас в Рос-

сии отсутствует традиция, причем не столько традиция протестных действий, сколько традиция, которую можно назвать **традицией русской радикальной интеллигенции**. Она была прервана в сталинские времена физическим либо моральным уничтожением того слоя, который вел свою историю от декабристов до большевиков и других социалистов.

Почему это важно? Приведу пример. Давайте вспомним историю одной революции XX века — Кубинской. Когда знаменитое партизанское движение на Кубе начиналось, то партизаны приходили в какие-то села и встречались со старыми крестьянами, которые помнили про борьбу Кубы за независимость против испанцев. Они воспринимали повстанцев Кастро и Че просто как новый виток той же самой борьбы. Открываешь «Воспоминания бойца-сандниста» Омара Кабесаса — та же самая ситуация. Он встречается с одним стариком-крестьянином, который в свое время был проводником у Сандино, и старик спрашивает: «Где ваши маузеры»? То есть он сразу воспринимает новых повстанцев как продолжателей традиции борьбы, он сразу воспринимает их в определенном контексте, ему не нужно объяснять все с самого начала: кто, зачем, против кого и за что борется. И таких примеров можно привести очень много: начиная от русских крестьян и рабочих начала XX века, понимавших социалистов, которые их агитировали, и заканчивая, скажем, сапатистами. И это не просто какие-то лирические моменты, это принципиально важная вещь — есть контекст, в котором воспринимается борьба за свободу. А у нас в стране этот контекст оказался разорван, причем, вполне сознатель-

но — сталинизм намеренно боролся с революционной традицией, не говоря уже о современной бюрократии, которая здесь оказывается прямой наследницей сталинизма, несмотря на столь различные декорации. И отсутствие этого контекста, этой традиции сказывается буквально на всем, что происходит в сфере политики. Проблема социальной пассивности, которую наши левые столь часто и мучительно обсуждают, — именно отсюда. Это может показаться некими абстрактными рассуждениями, на самом деле это не так, тут совершенно конкретные вещи. Когда ты себя называешь социалистом или коммунистом, тебя воспринимают во вполне определенном контексте, и чаще всего это вызывает резкое неприятие у людей, чьи интересы, казалось бы, социалисты и коммунисты должны защищать. Большинству вспоминаются Сталин, Берия, ГУЛАГ, «совок», уравниловка и т. д., в частности, тем же рабочим, студентам...

Восстановление революционно-демократической традиции — это достаточно сложная задача. И, возвращаясь к вопросу об аудитории, — «Скепсис» полностью разделяет вывод о докружковой стадии развития левых в России (об этом много пишет Александр Тарасов). И для выхода, для преодоления этой докружковой ситуации, в России сейчас необходимо восстановление этой традиции. А для этого, в свою очередь, помимо борьбы с официозной пропагандой, необходимы ответы на вопросы: что из себя представляет современная мировая система и российское общество; по каким социально-экономическим законам они функционируют; что в марксизме (как самой мощной до сих пор системе социально-экономического ана-

лиза) устарело, а что пригодно для изучения современного общества и т. д. Вот вопросы, которые нас волнуют. И те, кому все эти вопросы по-настоящему интересуют — это и есть наша аудитория. У нас нет готовых ответов, но мы стараемся стимулировать их поиск. Поэтому — **в идеале — наш читатель должен становиться и нашим корреспондентом, автором, переводчиком...** Отбор текстов для сайта довольно жесткий, но мы всегда стараемся найти почву для взаимодействия с теми, кто нам пишет. Правда, мы не платим гонораров, и никто из редакции не получает зарплаты. «Скепсис» делается на средства его участников — таким образом мы полностью избавлены и от попыток влияния на редакционную политику, и от обвинений в коррумпированности. Но отсутствие гонораров не мешает нашим авторам делать качественные материалы.

К вам присоединяются люди, имеющие сходное мировоззрение, общие ценности, это означает, на мой взгляд, что у них есть некий стартовый уровень, который выше среднего. Что делать с остальными, как просвещать тех, кто не находится на этом уровне? Как сделать так, чтобы массы пробудились? Как возникает то «сомнение», с которого, согласно девизу «Скепсиса», «начинается свобода»?

Приведу конкретный пример из переписки с читателем. Он пишет, что его очень интересуют события, которые происходят в Латинской Америке, он много информации почерпнул на сайте. Раньше он слушал «Эхо Москвы» и знал, что президент Колумбии Велес Урибе — это храбрый человек, который

на вертолете сел на площадку перед домом наркобарона... А потом он читает сайт scerpsis.ru и выясняется, что в Колумбии как-то все не совсем так, что Урибе — американская марионетка, а в Колумбии, оказывается, уже полвека идет война, действуют «эскадроны смерти», напрямую связанные с наркомафией.

Он слушает «Эхо Москвы», слышит про экономическое чудо в Чили при Пиночете, потом опять — таки, не намеренно, просто разыскивая информацию в интернете, натывается на наши статьи и выясняется, что там с экономическим чудом что-то немножко не так, как говорили по радио. Он пишет нам... У него возникают вопросы, конкретные вопросы. И не на все эти вопросы у нас есть готовые ответы. Но, по крайней мере, у нас появляется площадка для дискуссии. В данном случае, конечно, идеальный вариант, когда студент начальных курсов начал задавать вопросы, осознал, что ему морочат голову. Неважно кто — «Эхо Москвы», РТР, школьный учебник... Чтобы определить, где нам промывают мозги, нужен ориентир, нужен научный способ мышления. Вот собственно его мы и пытаемся сформировать. Но надо признать, что работать в этом направлении становится все сложнее. В начале 2000-х студенты сами писали творческие работы, а сегодня девяносто процентов делают только компиляции и не потому, что не хотят, а просто не умеют иначе. Вот конкретный пример того, к чему привела реформа образования с Единым Г. И на самом деле в этом и заключалась одна из задач данной реформы, не только ЕГЭ, а «реформы» образования в целом. Борьба с ней или, скажем, с действием телятника, мы не можем. Но тем, кто задает вопросы, кто сам

понял, что нужно их задавать, мы можем помочь, именно они — наша аудитория. И именно они впоследствии будут решать, как «пробуждать массы». Сейчас, как я уже говорил, мы на докружковой стадии. Поэтому, прежде чем говорить об абстрактной массе, давайте поймем, что мы можем сказать, а также — какова классовая структура современного российского общества, как она развивается. Это не исключает необходимости контрпропаганды «в массах», но не стоит рассчитывать, что она будет производить быстрый эффект.

Итак, нужно восстановление традиции борьбы за свободу. Какими методами?

Для начала надо эту традицию знать — а ведь она полузабыта! Следовательно, ее нужно пропагандировать. Именно для этой цели был создан дочерний сайт, посвященный Варламу Шаламову. Шаламов — это не просто один из писателей, который писал о ГУЛАГе, о сталинизме, пусть и самый талантливый из всех. Это человек, который был сознательным борцом против сталинизма, который через ГУЛАГ пронес идеалы русского освободительного движения, который никогда не отделял себя от революционной традиции, от традиции русской радикальной интеллигенции. И он продолжил эту борьбу со сталинизмом после лагеря, но при этом никогда не становился на позиции отрицания революционной традиции. Это знаковая фигура, которая для нас символизирует преемственность — тонкую ниточку преемственности. Когда же в качестве символа антисталинизма выступает фигура Александра Исаевича Солженицына («орудие холодной войны»), по определе-

нию Шаламова), который был знаменитым антикоммунистом, который именно революционеров винил во всех бедах России, и который является автором целого ряда мифов о советской и о дореволюционной России, то перед нами очередной пример «промывки мозгов». И не случайно, что Солженицын тормозил издание Шаламова за рубежом, вступал в совершенно неприличную полемику с публикаторами шаламовского наследия в России уже в 90-е годы. Потому что здесь перед нами две принципиально разные идеологические (и литературные, но это здесь не столь важно) позиции. Но это только один пример.

Сейчас – как под воздействием официоза советских времен, так и благодаря современной пропаганде – российская революционная традиция либо дискредитирована, либо просто малоизвестна. Знания, а вслед за ним и научного анализа опыта России и СССР в XX веке, действительно крайне не хватает левым (причем не только в России). Опыт – то наш, а многие отечественные левые ориентированы прежде всего на современный западный опыт, который для российских условий просто малопригоден. А вот опыт, существующий в нашей стране, оказывается как будто ненужным, устаревшим, неактуальным, хотя, прежде чем его объявлять ненужным, для начала хорошо бы его изучить. И действовать затем на основе этого опыта.

Хорошо, к западным левым вы явно относитесь критически. Тогда опыт каких стран «третьего мира» кажется интересным?

Ответ не будет оригинальным. Важно то, что происходит в Ла-

тинской Америке, так называемый «левый поворот», которому уделено немало места в №5 печатного «Скепсиса». Тем более что, как показывает практика, после некоторой паузы этот поворот продолжился. И здесь очень интересно сравнивать Восточную Европу, включая Прибалтику, Польшу, Венгрию, в том, как совершенно по-разному бывший соцлагерь, выполнявший все неолиберальные заветы, и Латинская Америка реагируют на кризис.

В постсоветский период в России в интеллектуальной жизни возобладала местечковость, мы видим, что процент международных новостей в прессе сегодня на порядок меньше, чем в советское время. Если человек целенаправленно не использует интернет, то он просто не в курсе происходящего в мире, особенно за пределами США и Европы.

Но если про Латинскую Америку так или иначе говорят все левые, то ситуация в других странах «третьего мира» не менее интересна, и о ней у нас знают мало. «Скепсис» стремится находить материалы о том, что происходило и происходит в Азии. Это очень сложный и интересный регион, и немногие могут похвастаться тем, что достаточно знают о социальных процессах в нем, тем более — о революционных движениях. И тут большое поле деятельности, прежде всего, для переводчиков. У нас есть тексты об Индии, Непале, и мы стараемся следить за развитием ситуации в этих странах. Недавно мы начали поиски текстов об Африке, так как благодаря СМИ этот континент превратился в массовом сознании в черную дыру, в которой ничего не было, нет и не будет. Тут очень много работы, одним словом. Россия сейчас куда ближе к «третье-

му миру», чем к «золотому миллиарду», хотя в Москве и Питере даже у левых частенько возникает иллюзия обратного. Но важен не только практический опыт, важна и теория. Так, у нас уже более-менее воспринята европейская левая мысль. А вот, например, социологи и экономисты из Латинской Америки, изучающие «периферийный капитализм», пока что остаются в России практически неизвестными.

Несколько слов о том, что является приоритетным: бумажное издание или интернет-сайт?

Это просто разные виды деятельности, разные средства. Интернет-издание, конечно, регулярно читает намного больше людей. Но представление, согласно которому в России уже все (или почти все) имеют доступ в интернет, все-таки неверно. Есть регионы, где интернет остается достаточно дорогим для наших потенциальных читателей, где его может вообще не быть, где студенты, например, не могут себе позволить такую интернет-жизнь, как москвичи или питерцы. Поэтому бумажный журнал остается необходимостью. Кроме того, интернет-издание и закрыть сравнительно легко, а вот ликвидировать разошедшийся тираж журнала гораздо сложнее.

В «бумажное издание» мы стараемся отбирать материалы, которые меньше всего устаревают и которые «закрывают» конкретную тему, отражают нашу позицию, наш взгляд на определенную проблему. Так, номер по «реформе образования», как мне кажется, практически исчерпывающе показал происходящее — и все наши прогнозы, увы, оправдались. Другое дело, что на печатные номера зачастую не хватает сил (отсюда — нерегуляр-

ность), потому что сайт требует их немало. Недавно мы начали в сотрудничестве с некоторыми издательствами выпускать книги, причем по разным сюжетам. В 2010 году вышли две книги, подготовленные участниками «Скепсиса». Во-первых, собранная Дмитрием Субботиным книга «Эйнштейн о религии», развеивающая спекуляции вокруг «религиозности» учебного и разбивающая «доказательства» якобы равноценности религии и науки. Во-вторых, переведенная Еленой Бучкиной «Теория литературы» английского марксиста Терри Иглтона, представляющая практически неизвестную в России традицию западного марксистского литературоведения и социальной литературной критики. Есть издательские планы на 2011 год — и в связи с марксистской теорией, и, например, антифашистской пропагандой, причем речь идет не только о переводах.

Вернемся к вопросу о клерикализации. Откуда вообще возникла эта волна, захлестнувшая наше общество?

Начать следует с констатации факта: клерикализация — это идеологический процесс. Это идеологическое оформление существующего политического режима. И этот факт большинство, в том числе и большинство левых, понимает совершенно недостаточно. Не случайно Маркс в свое время говорил: «Всякая критика начинается с критики религии». Когда мы начинали свою деятельность, очень многие относились к этому так: что вы ерундой какой-то занимаетесь, подумаешь, какие-то попы, есть куда более важные темы... Потом «Основы православной культуры» (иными словами — «Закон божий»)

стали вводить в провинции почти повсеместно. Сейчас идут отчеты о ситуации в Белгородской области, где уже есть философско-теологический факультет, готовящий преподавателей ОПК, правда, заметим, подавляющее большинство по специальности не устраивается. Но идеологическая обработка в школах и вузах уже поставлена на поток — и, судя по последним заявлениям деятелей ЕдРа, процесс будет продолжаться.

А как вы будете вести какую-то протестную агитацию, если люди уверены, что власть — от бога, что мораль и духовность бывают только религиозными, а протест против богоданной власти — бесовское и аморальное занятие?

Важно понимать, что не существует принципиального разрыва между неолиберальной идеологией и той самой клерикальной, средневековой, хотя, возможно, кому-то это и покажется странным. Если идет игра на понижение культурного и интеллектуального уровня, то необходимы конкретные методы, с помощью которых эта цель достигается. С одной стороны, нам внушают, что образование — это товар, а за товар надо платить. Ну, конечно, государство вам поможет, но поможет оно не всем, а самым лучшим, а кто самый лучший — будут решать по результатам ЕГЭ. Да для самых-самых еще есть и олимпиады, а школы в деревне вообще не особо нужны и т. д. И высшее образование способны получать только 15–20% населения, а дело остальных — стоять у конвейера, у кассы или мести улицы. Соответственно, нужно предложить людям что-то взамен школы, знаний, просвещения.

А что предложить? Не нужно переоценивать тех, кто находится у власти, они пошли по самому простому и испытанному пути. Старая уваровская триада «православие, самодержавие, народность», достаточно ее немножечко подкорректировать и осовременить — и получим вполне пригодную для использования идеологическую модель. Она крайне примитивна, она проста, она эффективна при условии невежества — до определенного момента. В дополнение к этой модели прибавляется элемент национализма, такой вялотекущей ксенофобии под лозунгом «Россия для русских», которая недавно выплеснулась на московские улицы. Надо отметить, что даже при отсутствии официальных заявлений высших церковных иерархов степень национализма среди воцерковленных граждан гораздо выше. Социологические исследования это показывают достаточно четко. Дальше — изображение всего этапа советской истории в качестве этой черной дыры, прорехи на человечестве, с подчеркиванием всегдашней патриотической роли РПЦ и т. д. Но прежде всего клерикализация — способ обеспечения социальной стабильности, поддержка государства насаждаемым авторитетом церкви. Рука руку моет.

Сейчас идет новая волна захватов музеев, исторических памятников — все это передается церкви. Чем это кончится было понятно с самого начала. У нас на сайте есть статья Людмилы Воронцовой — музейного работника, датированная еще 1991-м годом, которая так и называется «Разрушать ли музеи ради церковного возрождения?». Сейчас осуществляется самый пессимистический сценарий. Церковь за исполнение своих идеологических функций получи-

ла и продолжает получать гигантские материальные ресурсы. Это крупнейшая корпорация и, кстати, ее способы захвата собственности — самое обыкновенное бизнес-рейдерство. Достаточно вспомнить примеры, которые мы отслеживали: история с Валаамом (у нас был долгий судебный процесс — монастырь подал на нас и нескольких жителей Валаама иск «о защите деловой (!) репутации Валаамского ставропигиального мужского монастыря»;¹ дело, кстати, закончилось «ничьей», несмотря на весь административный ресурс), захват Рязанского кремля,² получение части детской поликлиники, которая, судя по всему, сдается под офисы,³ сейчас идет борьба за детский медицинский центр для детей-инвалидов в Московской области⁴ — это только самые вопиющие примеры. О ситуации с Рязанским кремлем мы сделали совместно с Красным ТВ документальный фильм «РПЦ против музеев: осада Рязанского кремля», в котором сами музейщики подробно описали процесс рейдерского захвата.

Но в проблеме «церковной реституции», помимо просто платы имуществом за идеологические услуги, есть еще один важный момент. ***Церковь — в соответствии с госзаказом — осуществляет зачистку исторической памяти.***

В образовании это процесс начался раньше. Возьмите какой-нибудь учебник по истории для гимназий XIX века, посмотрите, как по этому учебнику выглядела история. Нетрудно представить. И уже сейчас дети учат историю по учебникам, напоминающим дореволюционный официоз — с поправкой на время, конечно. Вот учебники, которые редактировались академиком А.Н. Сахаровым, директором

института Российской истории РАН. Например, был такой исторический деятель, про которого в учебнике сказано, что «презиравший разложившееся, проворовавшееся офицерство и в свою очередь ненавидимый ими всеми и называемый тираном и чудовищем», этот человек «брал на себя в государстве наиболее тяжелую, грязную и неблагоприятную работу и делал ее честно, бескорыстно». Вопрос на пятерку, о ком идет речь? Школьный учебник для десятого класса. — Это Аракчеев. А знаете, кто это проворовавшееся дворянство, которое презирал Аракчеев, которое его ненавидело и травило? Пушкин, Чаадаев, кружок «Арзамас» и т. д. Ну, разумеется, и декабристы, ведь декабристы, понятное дело, — масонский заговор. И это уже в школе! Примеров таких масса. Еще один школьный учебник говорит нам, что «Правовое самодержавие» — это политический режим в России в начале XX века. Учитывая общее понижение интеллектуального уровня, нетрудно предсказать, что эти вещи будут скоро восприниматься как норма. Особенно если учесть, что современное состояние нашего образования, особенно гуманитарного, от самостоятельного мышления отучает. Конечно, здесь огромна роль конкретных учителей, но это все же отдельная тема...

А что делает на этом фронте церковь? Конкретный пример: в Костроме в Ипатьевском монастыре был замечательный музей истории XX века, один из лучших музеев этого периода в центральной России, если не лучший вообще. Музея сейчас нет, музей уничтожен, все передано РПЦ, которая в ансамбле памятника XVI–XVII века строила новую церковь, посвященную «убиенным страстотерпцам» Николаю II (Кротовому) и его семье,

вырубив столетние деревья, посаженные, кстати, к трехсотлетию дома Романовых. И, соответственно, проводит регулярные службы в храме XVI века, отчего страдает фресковая живопись. Я уж не говорю про ситуацию, когда к иконе XVI века, по просьбе церкви выданной музейщиками на крестный ход, украшения прибавляли гвоздями, а на Боголюбской иконе Богородицы, переданной церкви «во временное пользование», заводится грибок.⁵ А в воцерковленном музее на Соловках вы ничего не узнаете про соловецкое восстание, знаменитое соловецкое выступление старообрядцев, вы вообще почти ничего не узнаете про историю Соловков. Даже история Соловецких лагерей особого назначения (СЛОНа) монастырское начальство не интересуется. В Рязани — та же картина. И когда мы видим, что церкви в массовом порядке отдаются музеи, органные залы, театры, надо понимать простую вещь: этому государству не нужно культурное население, ему нужно население, которое ходит только в церкви, а его культурные запросы удовлетворяются попсой, сериалами и батюшками, причем, чем менее образованными батюшками, тем лучше.

Причины описанной вами ситуации — только государственный заказ?

Конечно, дело не только в том, что есть правящий класс, который поддерживает церковь, и есть церковь, которая является идеологической подпоркой для современного режима в России. Это было бы слишком просто и потому — неверно. Как мы знаем из истории, резкие всплески религиозности и суеверий происходят именно тогда, когда общество находится в ситу-

ации нестабильности, когда люди просто не понимают, что вокруг них происходит, когда они испытывают ощущение полной безнадёжности и неуверенности. В России люди были травмированы распадом СССР, нелиберальными реформами, крахом всего привычного миропорядка. Люди интуитивно чувствуют, что изменить ситуацию они не могут, это от них не зависит, и для них способ не потерять надежду окончательно — вера в иллюзию, то есть религия. И сейчас, с начала 90-х годов, церковь (а вместе с ней разные секты, гадалки, экстрасенсы, астрологи — вся эта толпа паразитов) эксплуатирует именно вот это.

Принципиален здесь тот факт, что церковь — это социальный институт, выполняющий заказ власти и опирающийся на определенные идеологические иллюзии населения. Но, кстати говоря, период резкого роста религиозности по всем социологическим исследованиям уже закончился. РПЦ оказывается в довольно неприятной ситуации: ресурсы — то нужны, каким-то образом надо людей привлекать, а в условиях свободной конкуренции православная церковь работать не умеет, она всегда опиралась на государственную поддержку со времен Ивана Грозного и самостоятельно никогда не могла и шагу ступить. И хотя были движения низового духовенства, но сама церковь как институт постоянно нуждалась в государственной поддержке (уступая в этом другим религиям: от старообрядцев до протестантов).

За двадцать лет каковы результаты клерикализации?

Результаты катастрофические. Идеологическая модель «православия, самодержавия, народно-

сти» окончательно утвердилась — с разными вариациями, но с неизменным духом почитания властей. РПЦ утвердилась в школе, где теперь и проводится промывка мозгов в духе знаменитой «уваровской триады». Конечно, в разных регионах ситуация разная, но в целом «модернизированное» издание «закона божьего» в школах уже есть, судя по всему, и церковное присутствие в школе будет только увеличиваться, причем за счет выбрасывания из программ общеобразовательных предметов. Для чего? — Якобы для воспитания патриотизма и «духовности», а на самом деле для идеологической обработки и упрощения коммерциализации образования. Ведь те предметы, которые выбрасываются из программы, родители, желающие, чтобы дети могли поступить в вуз, вынуждены будут оплачивать.

Антиклерикализм и атеизм в массовых СМИ если и появляются, то только как исключение из правил, и еще реже авторы таких текстов пытаются посмотреть на ситуацию системно. Что же касается культуры, то я не согрешу против истины, если скажу что деятельность РПЦ — это уничтожение культурного наследия, примеров просто огромное количество. В начале ноября был продвинут закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности», который стал легальным оформлением давней практики РПЦ по захвату историко-культурных ценностей. Так что, как говорит сотрудник Третьяковской галереи Левон Нерсесян, скорее мы многие памятники **церковного** искусства сможем видеть только на картинках.

Есть какой-то протест против этого у тех, кто страдает от кле-

рикализации, кроме музейщиков? Может, есть родители, учителя?

Учителя у нас, к сожалению, зависят от администрации и боятся политики. С учителями, которые выступают открыто, оказывается, справиться сравнительно легко на местах, редкие исключения только подтверждают правило. Но тут опять церковь наступает на те же грабли. Опора на государственную поддержку будет означать, что ее будут отождествлять с государством. И неприятие государственной политики будет перенесено и на РПЦ. Тем более, когда церковь ведет себя как корпорация, когда она выселяет людей, как это было на Валааме, предоставляя им жилье за сорок километров от острова в провинциальном городке, где нет работы, и где самый прибыльный бизнес — это обслуживание сексуально-алкогольного финского туризма.

Люди в конце 80-х годов сами приветствовали приход церкви на Валаам, они хотели, чтобы был монастырь, духовное возрождение, и воспринимали все именно так. Но после такого урока, многие, если и остались верующими, то их отношение к РПЦ вообще и к Валаамскому монастырю, в частности, принципиально изменилось.

Но после нашего знакомства с этими людьми стало понятно, что протестным потенциалом большинство из них не обладает, большинство, даже доведенное до крайности, будет молчать. А с немногими «буйными» справиться сравнительно легко.

Музейщики... Это люди в большинстве искренне верующие, но они уже объявляли голодовки, как в Костроме, выходили на улицу, как в Рязани и Калининграде. Чтобы музейщики вышли на улицы с протестом — надо людей довести до пол-

ного отчаяния. Но они из-за своей социальной позиции (они — государственные служащие) оказываются в двойственной ситуации, оказываются заложниками своей работы. Но факт — они пытаются объединяться и бороться, среди них складывается протестное профессиональное сообщество, на что совершенно оказалось неспособно куда потенциально более сильная среда работников сферы образования. Но в целом, я думаю, что они будут стремиться сохранить хоть что-то, в ситуации социальной апатии они просто не смогут переломить ситуацию. Увы, практика нашего общения с музейщиками показывает, что они сочувствуют тем, кто в каждый конкретный момент является объектом этого вандализма, но выступают крайне редко. Хотя примечателен один случай, когда все-таки отдельные представители музейного сообщества (начал эту историю Левон Нерсисян) не побоялись вынести сор из избы и открыто выступили против передачи церкви на «временные службы» «Троицы» Рублева. Это был знаковый момент, потому что если бы тогда удалось это продавить, то церковь получила бы карт-бланш.

Но есть и другой аспект: наглая, грубая пропаганда вызывает отторжение на индивидуальном уровне и у школьников, и у студентов, и у вполне взрослых людей. Не у всех, конечно, но многие начинают задумываться. К примеру, у одного из подростков была воскресная школа, родители его туда отправили; школьник ходил, а потом увидел, что тот поп, который им рассказывал про христианские ценности, в совершенно непотребном алкогольном состоянии как-то вечером возвращается домой. Для подростка это было шоком, больше ни в воскресную школу, ни в церковь человек не ходит. Или дру-

гой пример: многих просто шокировала история попытки захвата части территории реабилитационного центра для детей-инвалидов «Детство», когда «высокодуховная» и «высокоморальная» церковь ради 25 обитателей монастыря «наехала» на центр, в котором проходит лечение и реабилитацию около 6000 больных детей в год. Кристально ясная с этической точки зрения ситуация, дальше ехать некуда. И это все неизбежно будет порождать протест, а наша задача — сделать так, чтобы люди понимали, как деятельность отдельных чиновников и попов связана с деятельностью всей РПЦ и государства в целом.

Как я уже говорил, в условиях господства неолиберализма нужна идеология для быдла, для тех, кто должен работать, для тех, кто иностранный язык должен знать, как выразился один из наших реформаторов образования, в таком объеме, чтобы объяснить иностранцу, как пройти к вокзалу. Для них — «православие, самодержавие, народность». А для тех, кто уровнем повыше, предлагается собственное неолиберальная модель — то, что в социологии называют меритократией, — власть якобы лучших. Для них — идеология успеха, идеология, очищенная от некоторых «перегибов», напоминающих о фашизме, но в целом — идеология социал-дарвинизма. **Точка невозврата пройдена, социальное и культурное наследие советского периода уже невосстановимо.** Так что здесь, как и в экономике, как и в социальной сфере, все надо начинать сначала.

Кто виноват — ясно. Что делать?

Что делать? Мы, по сути дела, оказываемся отброшены в про-

шное, в Россию середины XIX века, а в случае с клерикализмом — едва ли не в допетровский период. Вновь необходимо радикальное просвещение. Необходимо опять доказывать и показывать очевидное: что наука и религия — принципиально разные вещи. Что существует, например, только научная психология, а христианская психология — это оксюморон, все равно что арийская физика, советский творческий дарвинизм («лысенковщина») и тому подобная ерунда. А между тем, в научном сообществе нашлось немного людей, кто открыто выступил против клерикализации науки, причем в подавляющем большинстве эти немногие — ученые—естественники. Гуманитарии тихо скурвились.

Надо в нашей просветительской деятельности связывать отдельные эпизоды в одну картину. В систему. И на этой основе вести контрпропаганду. Просвещение без контрпропаганды сейчас попросту невозможно, сейчас по сути это синонимы.

Что должно измениться в стране, чтобы этот процесс замедлился или пошел вспять?

Все! В нынешней ситуации я не вижу никаких тенденций, благодаря которым ситуация может перемениться. Обратных — сколько угодно. Для того чтобы процесс пошел на спад, нужно, чтобы неэффек-

тивность этой идеологической модели стала всем очевидной. Она и станет очевидной. Неминуемо, потому что она действительно неэффективна. Тандем государства и РПЦ в который раз уже наступает на одни и те же грабли, и результат будет такой же. Церкви в деревнях жгли не злобные жидомасоны—большевики, не латышские стрелки, направляемые дьяволами во плоти Свердловым и Троцким, а жгли и грабили те самые крестьяне, для которых священник был тот же барин, только в облачении. Но если священник в деревне был на стороне крестьян, защищал их от помещиков и богатеев, ставил себя вровень с ними, тогда они, наоборот, защищали его от особо рьяных комиссаров.

В конечном итоге, надеюсь, этой болезнью общество переболеет (в противном случае оно просто не сохранится), но нескоро, и последствия этой болезни уже трагические, а будут — куда более драматичными, чем сейчас. Повторюсь: надо свыкнуться с мыслью, что очень многое, что нам — благодаря советскому периоду — казалось само собой разумеющимся, все дальше и все больше придется объяснять, показывать, восстанавливать, строить заново. И далеко не только в сфере антиклерикальной борьбы — во всех сферах: от науки до промышленности, от образования до политики.

Примечания

1. Подборка «Валаам: монастырь против жителей» // http://scepsis.ru/tags/id_166.html
2. Подборка «Рязанский кремль» // http://scepsis.ru/tags/id_182.html
3. Аверюшкин А. Московский Патриархат не боится «моли и ржи» // http://scepsis.ru/library/id_1841.html
4. Нерсесян Л. Патриархийные пиарщики против центра «Детство» // http://scepsis.ru/library/id_2867.html
5. Подробнее про эти ситуации см.: Нерсесян Л.В. Иметь или быть? // http://scepsis.ru/library/id_2804.html